

**Письма Якова Ухсяя к жене Марии
/публикуются выборочно,
личное не печатается/**

10.04.1942

Дорогая моя!

...Я здесь задумал одно интересное литературное дело. Если оно выйдет, то в следующем письме опишу. Пока что не получил разрешение на это, поэтому хвалиться лишне...

Крепко целую, твой Яков.

* * *

5 августа, 1942 г.

Дорогая Маруся!

...Уже ровно месяц как мы находимся в схватках с врагом. Это письмо будет коротким. В каждую ночь над головой летают стервятники, — какие мысли могут быть у фронтовика...

С приветом твой Яков.

Действующая Армия, ППС 1717 политотдел дивизии.

* * *

**начато 28 июля,
окончено 8 авг. 1942 г.**

Дорогая Маруся!

...Чудная же ты, напрасно беспокоишься за меня. Я почти в каждую пятницу писал тебе письма аккуратно.

Я давно уже работаю в редакции газеты. Дали мне звание. Уже три недели находимся в боях, бьем немцев отчаянно.

Я буду живым и вернусь после Победы.

Я сегодня получил все твои письма оптом, раньше наша почта не разбиралась. Теперь уже буду получать регулярно. Я в одно время писал стихи на русском языке. Теперь очень занят газетной работой, для поэзии нет времени. Мы находимся в тех местах, о которых можно писать хорошие стихи.

Ты пиши о своей жизни подробно...

С приветом Яков.

* * *

7 августа 1942 г.

Милая моя!

...Пишу я слишком часто, ты не ругай, а только читай. 6 августа вечером на разведке погиб мой лучший друг — Саша Паршин. 19-летний — высокий и стройный. Он писал стихи и часто читал их мне. Разведчику трудно остаться живым. Как ему хотелось жить, учиться, стать культурным человеком, большим поэтом. Война помешала всему. Она унесла молодого, красивого Сашу. Ему пуля попала в лоб. И он погиб моментально. Он был единственным сыном матери. А теперь его нет.

Когда я вернусь — об этом даже писать не надо. Здесь действия разворачиваются снова и с большой силой.

Здесь уже осень. Были дожди и туман. Сегодня день ясный, как в мае.

Это письмо я написал в сарае на соломе...

Крепко
целую,
твой Яков.

***

н. 4 августа, о 12 августа
1942 г.

Дорогая!

...Я к тебе пишу так часто, что ты можешь совершенно быть в курсе моей жизни. Только вчера вечером вернулся из передовой позиции в свою редакцию. Собирал материалы и беседовал с бойцами. Мы вдвоем, с одним из сотрудников редакции, были на самом берегу Дона, почти перед глазами немцев прошли по полю несколько километров. Я ночевал в блиндаже пулеметчиков. Меня разбудили рано и на рассвете я ушел с огневой линии...

Целую, твой Яков.

***

18.08.1942 г.

Дорогая моя!

...Твои письма сейчас приходят часто. Много писать не могу. Здесь уже чувствуется дыхание осени, почти холодно-то. Идут бои на западном берегу Дона...

Целую, твой Яков.

***

н. 12 авг. о. 19 авг., 1942 г.

Дорогая Маруся!

...Сегодня ночью были жестокие бои. Пулеметчики дрались, как львы. Многие убиты и ранены. Если что-нибудь не случится со здоровьем, то скоро выйдем на отдых...

Твой Яков.

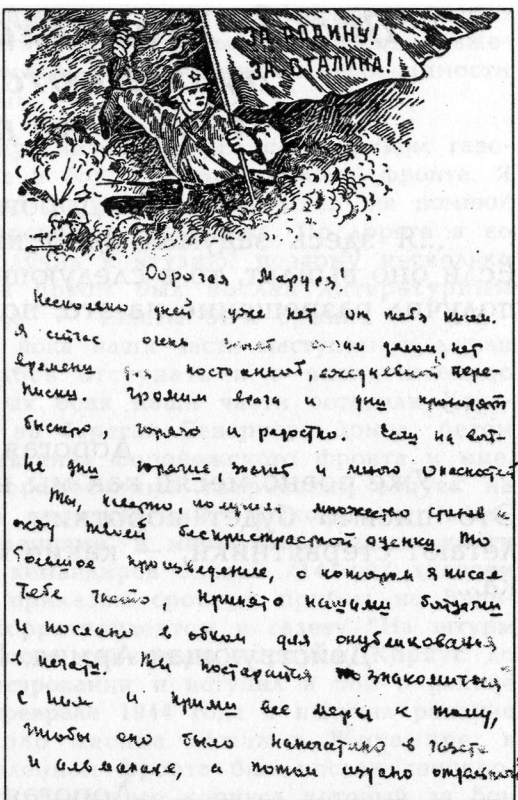
***

н. 14 авг. о. 21 авг., 1942 г.

Дорогая Маруся!

...Дни идут, постепенно приближаемся к осени. На Дону жарко от солнца и оружейного огня. Что здесь происходит — в письме на расскажешь.

Возможно, мы с тобой скоро встретимся. Человек устает,

● Письмо к жене с войны.

ему требуется отдых.

Вот отдохнем и мы, а потом — снова в бой.

Ты приготовь мне чернила и бумагу, достань из ящика незаконченную пьесу.

Если мне действительно дадут отпуск, то закончу пьесу. Ты переведешь ее на русский.

Вот мои мечты, они сладкие или горькие, определяют ближайшие дни...

С приветом твой Яков.

* * *

1.X.42 г.

Дорогая Маруся!

...В эти дни все время был на самой передовой линии. Твои хорошие и серьезные письма ждали меня и дождались.

Вчера погиб мой друг, газетный работник. Вокруг меня и над головой шумели пули, недалеко ложились снаряды. Но я жив и читаю твои письма.

Я вечно твой, больше никому не принадлежу.

Если я погибну, то верь, всегда был твоим, любил тебя всегда, и каждую ночь вижу во сне...

Крепко целую, твой Яков.

* * *

10 октября 1942 г.

Дорогая моя!

...Ты пиши, часто ли получаешь мои письма. Я же пишу ежедневно. Петр Гаврилович погиб. Хороший был человек, душевный и простой.

...Приеду и напишу жуткую книгу о войне против убийц. Эту книгу писать придется сжимая зубы. На моих глазах убило много людей.

Тебя я каждую ночь вижу во сне. В прошлую ночь на самой передовой в блиндаже видел во сне тебя.

Ты сохрани это письмо, тогда я этот сон вспомню легко. Как там погода? Здесь сегодня ветер веет и артиллерия ухает. Пиши больше и подробно описывай свою жизнь...

Крепко целую, твой Яков.

Привет Ольге Дмитриевне и мамаше.

* * *

30.10.1942 г.

Дорогая жинка моя!

...Сегодня я сильно устал, поэтому письмо будет, как воробьиный клювь короткое.

...Я теперь работаю секретарем редакции. Трудновато и много работы. Наш работник Аркадий Правдин погиб, и мы вчера его похоронили. Сегодня написал его жене письмо-извещение.

Трудно писать такие письма. Двое детей остались сиротами...

Крепко целую, твой Яков.

25.11. 1942 г.

Дорогая моя!

...Твои письма хорошие и настроение крепкое.

Этому Сергееву скажи, что он вылитый дурак. Мы здесь воюем не за рюмку, а за большое дело — за Родину. Я удивляюсь; находятся люди, которые думают о водке. Я вернусь с войны живым. Я стараюсь и мечтаю вернуться. Правда, если бы выпил их рук Сергеева, я оскорбил бы свою честь, завоеванную на полях войны.

Не писал я о празднике, потому что этот день был очень горячим, и провел его я без сна.

Сейчас пишу я большую вещь. В стихах. Ты, возможно, ее скоро увидишь в печати...

Крепко целую, твой медвежонок.

... * * *

26.11.1942 г.

Дорогая моя!

...Уже второй час ночи. Я работаю еще, спать не придется. Ты, конечно, читаешь сводки о героическом наступлении Красной Армии. Победа не достается даром, достается она ценою крови замечательных людей. А какой-то Сергеев, обыватель, сидит там в тылу и ведет разговоры о водке. Я читал твое письмо, вернее, место из твоего письма своим бойцам. Они сказали о Сергееве: «Сволочь». Так его оценивают бойцы. Ты, умная моя, умеешь ценить и ненавидеть людей. Так же Сергееву дала настоящую оценку. И тебя поддержали воины Красной Армии.

Крепко целую, твой Яков.

* * *

7 декабря 1942 г.

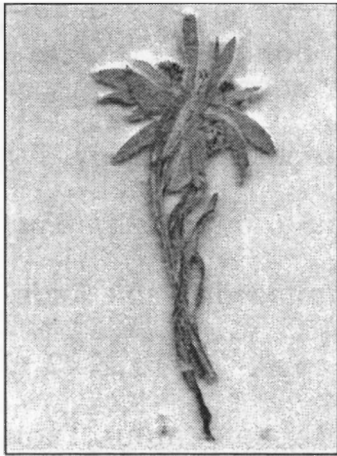
Дорогая моя!

...Недавно написал к тебе письмо и ругал крепко. Вот сегодня получил сразу два письма, оба хорошие. Я через 3-4 дня закончу свою поэзию. Будет около 1500 строк. Здесь читал многим, — без ума люди! Скоро думаю приступить к пьесе. Ты не думай, что я нахожусь в тылу. По-прежнему на передовой, так привык, что самым серьезным образом пишу крупные вещи.

На какого-то Мранькка плевать. И без всяких сообщений чувствую положение чувашской литературы...

Крепко целую твой Яков.

... * * *

● Эдельвейс прислан в письме с фронта.

11 декабря 1942 г.

Дорогая моя!

...Вот и сегодня новость! По одному делу мы, два командира, ушли в 4 утра. Было темно и был буран. Удачно прошли 9 километров. Сегодня же вечером в 4 часа вышли обратно, заплутались в поле. Ни зги не видно, вдобавок еще такой сильный буран, что прямо с ног валит, а снег выше колена. Долго ходили и вернулись к 10 часам. Ты учти, все это происходило не на Карачевском поле, где как мы, увлекшись поэзией, заблудились у Пакэш, а на войне. Недалеко били пушки, взвивались высоко ракеты.

Когда-нибудь расскажу...

Целую, твой Яков.

Ты пишешь о своей беседе с Даниловым. Спасибо ему за справедливую оценку. Но ты сама хорошо знаешь, я свое творчество знаю лучше всех. Недаром я подписываюсь Я.Ухсай, а ты Мы Ухсай. Верно?..

* * *

17 мая 1943 г.

Маруся!

...Я за эти месяцы прошел через смерть и огонь.

Я написал, горя сердцем, большое количество лирических стихотворений, они, мне кажется, сильно эмоциональны и хорошо отражают военную жизнь.

Я в себе слишком уверен, если останусь живым, то дам произведения огромной лирической и эпической силы.

Я сейчас живу больше мечтой, чем творениями. Для этого у меня нет времени и возможности.

Меня интересует судьба Эльгера, старого солдата. Солдат солдату — друг. Привет ему...

С приветом Яков.

* * *

13 марта 1943 г.

Дорогая Маруся!

...Несколько дней уже нет от тебя писем. Я сейчас очень занят своим делом, нет времени для постоянной, ежедневной переписки. Громим врага и дни проходят быстро, горячо и радостно. Если на войне дни горячие, значит и много опасностей.

Сейчас дни и ночи особо интереснее, о них писать нет времени, лучше расскажу когда-нибудь. Конечно, мне сейчас не до стихов...

Крепко целую, твой Яков.

* * *

28.02.1943 г.

Дорогая Маруся!

...Долгое время не мог писать к тебе. Зная, что мое молчание сильно беспокоит тебя. То находился в пути, то был оторван от почты. Ровно месяц, как я не получал от тебя

писем, потому что меня отозвали из старого места и перебра-
сили на другую, более ответственную работу. Сейчас я рабо-
таю в одной крупной ежедневной газете. Здесь хотя работы
много, но веселее, часто встречаюсь с писателями-фронтови-
ками.

Одна из причин моего молчания — болезнь. Чудом уцелел
от смерти, находился в госпитале. Сейчас себя чувствую
ничего, но временами сильно болит шея: результат небольшой
контузии. Побывал во многих городах, зашел в числе передо-
вых в пылающий в пожарищах Харьков. Раньше я почти не
знал Украину, вот сейчас приходится видеть ее, когда она вся
в ранах...

Крепко целую, Я.Ухсай.

* * *

18 июля 1944 г.

Дорогая Маруся!

...Ты напрасно называешь меня бездельником.

На земле гул и по небесам идет гул.

А ты от меня требуешь пьес и стихов, не веришь моим
словам. Мы идем вперед. Ты не верь, что война — это
письменный стол. Пройдет немного времени, вот тогда я сяду
за стол, опишу тех людей, которые шли на Запад.

Крепко целую, твой Яков.

* * *

29 июня 1944 г. Родина Мицкевича.

Дорогая моя!

...Вот уже несколько дней без конца в движении — только
сейчас выбрал время для письма. Дороги пыльные, временами
проливные дожди. Здесь не как у нас, пыль белая, везде глина.

Мне сейчас и думать не приходится о творческой работе.
Совершенно нет времени. После войны уже не буду выходить
из комнаты: писать, писать и писать.

Михаил Андреевич приглашает меня участвовать на кон-
курсе, но я постараюсь выполнить свой долг после боев.
Кажется, срок конкурса до декабря, как закончатся бои, я
закончу одну маленькую поэму, а одна уже готова.

Выбрал себе пенек и на нем пишу это письмо...

Крепко целую, твой Яков.

* * *

25 янв. 1944 г.

Дорогая Маруся!

...Просто удивляюсь, как долго задерживаются мои письма.
Я в любых условиях и обстоятельствах писал и старался
держаться в курсе моей жизни, но, оказывается, ты уже в
течение 2 месяцев не знаешь о своем муже. Вот скоро испол-
нится 2 месяца, как я вновь вступил в бой. Вполне понятно,
нахожусь от тебя слишком далеко. Новый год для нас был
горячим, в результате чего гремели «салюты» в небе.

Передай привет Хирбикову и Лукину. Когда утихнет воен-

ная буря и густой травой зарастут окопы, мы с этими удалыми певцами напишем что-нибудь внушительное, а, может быть, и закатим оперу. Низко кланяюсь им и желаю всякого только хорошего в их плодотворной работе. Из Башкирии получил письмо. Меня удивило в этом письме одно место. «Мсти врагу за нашего любимого брата командира Красной Армии Кирилла».

Или это просто неосторожное, необдуманное выражение, или Кирилл погиб. Пока остаюсь верным своей мысли, что светлый человек, брат с чистым сердцем, жив. Если нет его живого, это для меня слишком большое горе.

Живу я с мыслью о скорой встрече с тобой.

Пока жив и здоров. Здесь не то весна, не то лето. Грязь, холодные дни бывают редко. На земле, которую я воспевал, конечно, бушует зима...

Крепко целую, твой Яков.

* * *

9 янв. 1945 г.

Дорогая Маруся!

Уже больше недели, как от тебя нет писем. Я живу по-прежнему, неизменно скучаю по дому. Был готов и перестроил свои нервы для встречи, но все это от меня не зависит. Мне, как и раньше, не до пьесы и стихов.

От военного шума убегают собаки, улетают грачи. Самые бесстрашные птицы — соловей, воробей и кукушка. Все певчие птицы дорожат своим постоянным местопребыванием.

Будучи в Карпатах, я был поражен поведением дикой козы — лани.

Лермонтов был неправ, говоря, что беглец бежал быстрее лани, мое понятие в смысле лаконичности образа.

Страшный огонь продолжался много дней, но в горах жили бедные дикие козы, хотя в мнении народа они числятся, как самые трусливые животные. О чем тебе рассказать — слишком много у меня впечатлений...

Крепко целую твой Яков.

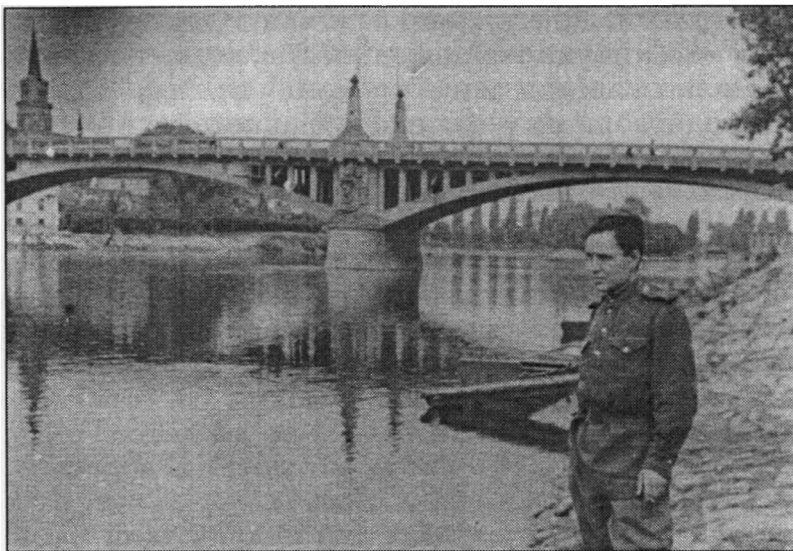
* * *

30 марта 1945 г.

Дорогая Маруся!

...Просто меня удивляет, почему мои письма не доходят до тебя. Не только ты жалуешься, родные моих друзей в таком же положении и присылают отчаянные письма.

Твои письма приходят сейчас наиболее аккуратно. Живу я хорошо, но только грусть по тебе страшно мучает меня, и нет ни одной ночи, чтобы тебя не видел во сне. Большие бои пока отгрохотали, и поэтому нет для тебя нужды особенно беспокоиться о моей жизни. Ты пишешь, что конкурс отложен до 1 мая. Но в нем участвовать мне не придется, нет сил и возможности, благосклонности к творческой работе и времени. Верь мне, дорогая, чувствую физическую и умственную усталость...

● На берегу Эльбы 26 апреля 1945г.

Крепко целую, твой
Яков.
P.S. Твое письмо, которое получил вчера, написано от 28 февраля. Письма идут с л и ш к о м долго — значит, нахожусь от тебя далеко-далеко.

1 мая 1945 г.

Дорогая Маруся!

Твои письма я получаю часто, но пишу редко, ожидая скорую встречу. Это письмо пишу при копилке из немецкой землянки.

Твой Яков.

***

17.02.1946 г.

Маруся!

...Мне передали, что в округе имеется приказ о демобилизации меня из Армии, но после этого прошло десять дней. Пока жду, хотя мне это слишком трудно.

К моему приезду приготовь машинку и приготовь также мне обещанный шарф или кашне...

Целую, твой Яков.

***

22 янв. 1946 г.

Дорогая Маруся!

...Я живу с горячим желанием приехать домой, сдать в печать книги и закончить пьесу.

Вопрос о демобилизации как-то решается долго, но все же не теряю надежды на ближайшие дни...

Яков.